

Мир тогда разделился на две неравные части: маленькую «до» и пока не имеющую конца — «после», будто чьей-то волевой рукой была проведена черта, граница, демаркационная линия и навешена полосатая красно-белая запрещающая лента. С обратительным чмоком разделилось и время. Новое, опять начавшись с нуля, стало жестко отсчитывать секунду за секундой, которые больше никогда не были потрачены впустую: на всякие «сюси-пуси», созерцание, восхищение, любование и прочие проявления безделья, расслабленности и слабоволия. Все ее действия были взвешены и рассчитаны с аптекарской точностью. Ничего лишнего. Только то, что нужно. Ненужное безжалостно отбраковывалось.

Алла Константиновна Белозерова уже прошла от своего НИИ к метро почти целый квартал, когда около нее взвизгнула тормозами машина. Алла повернула голову, увидела в окне нарядной белоснежной «Ауди» приветливо махающего ей ру-

кой Петра Николаевича Башлачева и в некотором замешательстве остановилась.

— Алла Константиновна! Садись, подвезу, — зазывающе промурлыкал Башлачев.

— Я ненавижу иномарки, — ответила она.

— Вот еще новости! Почему?

— Меня в них тошнит.

— В смысле... укачивает... или из принципа?

— Укачивает. Без всяких принципов.

— И что? — Башлачев задал этот смешной вопрос, будто не он, а Алла приглашала его покататься в иномарке, а он отказывался.

— И ничего. Я пойду домой пешком, а ты, Петя, — поедешь на своей снежной красотке.

На лице Петра Николаевича проступило такое огорчение, какое бывает у первоклассника, который возомнил себя уже совсем взрослым, а его жестоко отправляют спать как раз в то самое время, когда по телевизору начинается потрясный фильм.

Несмотря на детское выражение лица, огорчение Башлачева было весьма взрослым. Задуманное мероприятие с самого начала шло наперекосяк. Если Алла не сядет в машину, то хорош же он будет со своим букетом, который стоит в трехлитровой банке прямо позади его сиденья. Не вручать же его ей здесь, с бухты-барахты. Надо же, чтобы со смыслом!

— Знаешь что, — обрадовался он неожиданно пришедшей в голову блестящей мысли. — Давай проедем всего несколько метров до «Пируэта»! Не успеешь укачаться!

— Это еще что такое — пируэт?

— Кафе! Давай посидим там! Я угощаю!

Алла посмотрела на Башлачева, который уже на полтела вылез из окна машины, рассмеялась и сказала:

— Ну что ж, Петя, давай посидим! Не люди мы, что ли!

Алла села к нему на переднее сиденье. Интересно, что Башлачев задумал. Неужели станет банально соблазнять? Похоже на то. Не зря же он в обед подсел к ней за столик и даже пытался укладывать ладонь на ее колено. Алла с интересом и ожиданием уставилась в лицо Петра Николаевича. Он смущенно крикнул и, вместо того чтобы тронуть машину с места, где явно была запрещена парковка, вдруг с неожиданной для его большого тела пластичностью перегнулся назад, вытащил откуда-то из-под сиденья крупный букет в гофрированной лимонно-желтой бумаге и смело протянул его Алле.

— Что это? — сморщившись, спросила она, будто он вручил ей не букет, а, к примеру, разводной ключ, которым она совершенно не умела пользоваться.

— Цветы, — терпеливо объяснил ей Башлачев и подумал, что баба совсем зарвалась. Когда он своей жене Вике на Восьмое марта и дни рождения приносит по три занюханных гвоздики в фольге, она целует его взасос и не знает, в какой красный угол их пристроить. А тут одна бумага с рюшками чего стоит! Алакированный бантик! О самих цветах и говорить не стоит! Вика таких не видела никогда и вряд ли когда удостоится.

— Зачем? — пожала плечами Белозерова, брезгливо отодвинув букет от себя. С цветоножек капала вода, а низ гофрированной бумаги размяк и отваливался хлопьями. Нет, решительно сегодня был день не Петра Николаевича Башлачева.

— Так... От души... — пролепетал он и носовым платком, любовно отглаженным Викой в виде треугольника, вытер низ букета, окончательно разорвав

бумагу и развязав лакированный бантик. — А может... ну ее... бумагу... вообще? — Башлачев уже раздраженно сорвал с букета лимонно-желтое великолепие, и на колени Алле посыпались бело-красные колокольцы на коротких ножках. То, что составляло основу букета, на котором он, собственно, и держался, представляло собой жесткие стебли травы с жалким хохолком листьев на макушке, очень похожие на обглоданные павлиньи перья.

— Вот мерзавцы! Халтурщики! — вскричал взбешенный Петр Николаевич. — И ведь какие деньги берут за такую бодягу!

Алла от души расхохоталась и с трудом заставила себя остановиться. У Башлачева было такое растерянное выражение лица, что ей стало его жалко. Вытирая выступившие слезы настолько осторожно, чтобы не размазать косметику, она сказала:

— Петь! Поскольку ты и так уже здорово потратился, может, ну его и «Пируэт» твой заодно?!

— Знаешь, похоже, что я не в ударе, — согласился он. — Судя по этому букету, в «Пируэте» сегодня наверняка санитарный день или какой-нибудь переучет тарелок!

— Ладно, поехали ко мне! — неожиданно вдруг предложила Алла. — Потерплю твою «Ауди», так и быть. У меня дома как раз все есть. Думаю, посидим не хуже, чем в «Пируэте».

Потрясенный неожиданным везением среди тотального невезения, Башлачев даже проехал на красный свет, чуть не сбив на переходе старушку с ручной тележкой. А Алле действительно становилось плохо. Сначала она побледнела, потом позеленела, а на висках проступили капельки пота.

— Остановить машину? — спросил встревоженный Башлачев.

— Не надо, — прошептала она. — Сейчас повернешь направо, въедешь во двор, и мы — приехали.

— Располагайся, Петя, — сказала она ему уже в квартире. — Посиди пока, музыку послушай или фильм какой-нибудь посмотри, — она кивнула на компьютер и полочку с дисками. — А я в душ. Минут через пятнадцать приду в себя. Уже проверено.

Алла ушла в ванную, а Башлачев огляделся. Надо же, какое безликое жилище! Сразу и не поймешь, женщина тут живет или мужчина. Проклятые унисекс и минимализм! До чего же они его раздражают! Вот у Вики всюду цветы в горшках, вазочки, какие-то мягкие собачки, а на стенах — панно с инкрустацией и картины с водопадами. На кресла брошены яркие тряпочки, на низенький столик — колечки, цепочки, щетки для волос, разноцветные тюбики помады. Сразу ощущаешь присутствие в доме женщины. А у этой! Белые голые стены. Телевизор, компьютер, диски, книги да журналы. Как можно так жить? Как в офисе! Как в библиотеке! Не собираясь ничего ни слушать, ни смотреть, он от нечего делать включил компьютер. На рабочем столе красовался самолет совершенно новых, обтекаемых форм. Ну и баба! Нет чтобы цветочки поместить на экране или кошечек в корзинке. Раздраженный самолетом Башлачев как раз выключил компьютер, когда в дверь позвонили. Из ванной раздавался только шум льющейся воды. Петр Николаевич решил, что не случится ничего плохого, если он откроет дверь. Не Вика же там, в самом деле!

Это действительно была не Вика. Это была тучная расплывшаяся почтальонка.

— Белозерова Алла Константиновна здесь живет? — спросила она.

— Здесь, только она в душе, моется, — ответил Башлачев.

— Тогда вы распишитесь. Заказное письмо. — Почтальонка сунула ему под нос бумажку с ручкой.

Башлачев взял письмо и с удовольствием расписался недавно выработанной начальнической росписью с гнутой верхней перекладной заглавной Б и решительным росчерком в конце. После ухода женщины, которая погрозила ему пальцем и, перейдя на «ты», строго сказала: «Смотри, передай!», Петр Николаевич вернулся в комнату и посмотрел на обратный адрес. Киев. Украина. До востребования. Николай Щербань. Интересно, что это за «самостийный» мужик! Явно не родственник, раз до востребования! Наверняка любовник! Переписываются на почтовое отделение, чтобы жена не застучала! Ловкачи!

Петр Николаевич положил письмо рядом с компьютером и подошел к окну, чтобы обзреть окрестности. Ничего хорошего, кроме домов на противоположной стороне улицы, он не увидел и почувствовал, что здорово разозлился. Если бы он узнал, что его Вике приходят подобные конвертики, он ее убил бы. Именно убил! Башлачев решительно вернулся к компьютеру, жадными руками схватил конверт и надорвал бумагу. Нечего церемониться с этой бабой, у которой любовники по всему СНГ. Он всего лишь стоит на страже обманутой украинской жены Николая Щербаня.

Петр Николаевич вытащил из конверта завернутые в тонкую бумагу фотографии. Сняв с них обертку,

он, не удержавшись, присвистнул. На фотографиях в самых откровенных позах была изображена молодая хорошенькая и совершенно обнаженная девушка. Тело было худеньким, но все равно роскошным: с красивой грудью, тонкой талией и плавным переходом к стройным бедрам. Глаза девчушки были широко распахнуты, то ли оттого, что она позировала в таком виде впервые, то ли оттого, что фотограф тоже находился в неглиже, смущая ее, а может, даже и возбуждая. Во всяком случае, сам Петр Николаевич уже почувствовал прилив крови к определенному месту. Он заглянул в конверт, чтобы найти какую-нибудь сопроводительную записку, но ее там не было. Башлачев оглядел пол, не выронил ли он письмо случайно. Нет. Щербань прислал только фотографии. Петр Николаевич еще раз взгляделся в девушку и опять присвистнул. Ба! Да это ж Белозерова! Точно, Алка! В юности! Натуральная проститутка! С детства, значит, промышляет... А он-то, дурак, на цветочки тратился! А все оказывается просто! То-то она без всяких церемоний пригласила его к себе! Может, наведаться к ней прямо в душ? Башлачев аж переступил в нетерпении с ноги на ногу, но тут наконец из ванной перестал доноситься звук льющейся воды. Петр Николаевич представил, как Белозерова сейчас вытирает полотенцем свое, ставшее наверняка еще более роскошным, тело, и почувствовал, как у него пересохли губы. Выстрелом раздался звук отодвинутой дверной защелки, и Башлачев кинулся к своей брошенной на кресло куртке. Он запихал во внутренний карман фотографии и сел рядом, положив чуть подрагивающую правую ногу на прилично трясушуюся левую.

Алла вошла в комнату не в распахнутом халате, как того ожидал Петр Николаевич, а в застегнутом довер-

ху на «молнию» темно-синем тренировочном костюме. Башлачев представил, как дергает за язычок эту «молнию», куртка распахивается, и в его ладони спелыми яблоками падают еще более созревшие со времен тех фотографий груди Белозеровой. Он вынужден был поерзать на кресле, чтобы хоть как-то утихомирить чересчур возбужденный организм.

— Извини, Петя, — сказала она. — Я тебя предупредила, что совершенно не выношу иномарок. Но сейчас уже все в порядке. Через десять минут я все приготовлю. У меня есть курица-гриль, ее только разогреть. — Она с удивлением посмотрела на него и спросила: — А ты так и просидел все это время в кресле? Почему ничего не слушаешь? — Алла подошла к полочке с кассетами. — Давай я тебе все-таки что-нибудь поставлю. Что ты любишь?

Башлачев находился в таком состоянии, что вспомнить не смог бы даже «В лесу родилась елочка», а потому сказал:

— На твое усмотрение...

— Тогда я тебе поставлю Ванессу Мей. «Шторм», — сказала Алла. — Сейчас все балдеют от этой музыки.

Она ушла в кухню, а Башлачев остался «балдеть». Он почти не слушал модную Ванессу, потому что терзался сложным вопросом: броситься на Белозерову сию же минуту или все-таки отведать курицу-гриль? В конце концов голод, который уже всюду давал о себе знать после рабочего дня, пересилил голод сексуальный.

Курица была очень ничего себе, но Петр Николаевич сразу понял, что Алла не готовила ее сама, а купила в магазине. Все закуски тоже были куплены готовыми и тоже оказались вполне приличными на вкус. Башлачев даже подумал, что напрасно Вика часами

простаивает на кухне перед приемом гостей, когда вполне можно поступать подобным же образом. Белозерова угощала его коньяком, но сама не пила.

— Почему? — спросил ее Петр Николаевич.

— Не пью — и все! — не пожелала обсуждать этот вопрос Алла.

Башлачев только недоуменно пожал плечами. Сам он уже был хорошо подшофе, по телу разливалось приятное тепло, Ванесса пиликала на своей скрипке нечто очень эротическое, и дело оставалось за малым: сообразить, каким образом лучше приступить к штурму вожделенного тела. Петр Николаевич вспомнил фотографии, лежащие во внутреннем кармане его куртки, укрепился духом и решил особенно не мудрствовать. Он встал со своего кресла, обошел столик, за которым они сидели, и приблизился к Алле, чтобы запечатлеть на ее шее долгий, как пассаж Ванессы Мей, поцелуй. Белозерова отклонилась и с ласковой улыбкой спросила:

— Чего ты хочешь, Петя?

— Ну... это... самое... — ответил он, игриво поводя плечами.

— Да? — еще шире улыбнулась Белозерова. — Это можно. Раздевайся.

— Как раздевайся? — Башлачев удивился так, будто она предложила ему перед занятием любовью надеть тулуп, валенки и завязать под подбородком тесемки шапки-ушанки.

— А разве ты можешь не раздеваясь? — Алла смотрела на него самыми невинными глазами.

Петр Николаевич, разумеется, мог. Ему всего-то и надо — кое-что расстегнуть. Раздеваться как раз должна она.

— Ну... я не знаю... — замямлил он, даже слегка

протрезвев. — Может, не здесь... Тут курица... и все такое...

— Курица тебя не тронет, она мертвая, — совершенно серьезно сказала Белозерова. — К тому же мы ее почти всю съели. Раздевайся.

— М-может... т-ты... сначала... — начал заикаться Башлачев.

— Как скажешь, Петя, — согласилась Алла и вместо него дернула за язычок свою «молнию». Куртка распахнулась, и перед глазами Петра Николаевича появилась обнаженная грудь Белозеровой, столь же прекрасная, как в его мечтах и на фотографиях. Алла, совершенно не смущаясь, посмотрела ему в глаза и резко сказала: — А теперь ты.

Башлачев вздрогнул и стал раздеваться, как в кабинете у врача, складывая одежду ровной стопочкой, а Алла только командовала:

— Дальше. Дальше.

Оставшись в одних рябеньких плавках и стесняясь повисшего над ними молочного животика, а также по-женски покатых плеч и веснушек на груди, Петр Николаевич окончательно протрезвел и, окинув взглядом комнату, в которой не было спальных мест, с надеждой спросил:

— Может... это... того... в спальню... пойдём?

— А зачем? Что мы, закоснелая супружеская пара? А на столе тебе не слабо? — И она принялась составлять на пол тарелки с остатками трапезы.

На столе Башлачев никогда не пробовал, хотя именно об этом не раз мечтал, разглядывая глянцевые фотографии в любимом мужском журнале «Пингвин». Когда столешница засияла гладкой освобожденной поверхностью, Алла спросила:

— Ну как, Петя, ты готов?

— Вроде... — промямлил Башлачев.

— Что-то не заметно, — усмехнулась она. — Снимай трусы, поглядим.

— Зачем? — очень сильно, до испарины, испугался Петр Николаевич.

— Проверим готовность. — И, не дожидаясь ответных действий с его стороны, Белозерова подошла вплотную, сдернула вниз его рябенькое нижнее белье и разочарованно протянула: — Ну-у-у... Петя... Что такое? Это же не рабочий инструмент, а какая-то... съезжившаяся куриная шея.

Потрясенный Петр Николаевич опустил вниз глаза и мысленно согласился с предложенным определением. Краска унижения залила не только его лицо. Она поползла вниз по шее, по веснушчатой груди, дойдя чуть ли не до «куриной шеи». Да... Подобная обстановка его явно не бодрила. Он был большим ходяком по женщинам, но раздеваться перед их глазами догола, как на советской военно-призывной медицинской комиссии, ему еще ни разу не случалось. Все всегда происходило быстро и споро. В крайнем случае, он снимал только брюки, а уж женщин раздевал, как хотел, или они сами услужливо раздевались. Что же эта... шлюха себе позволяет? Вон как позировала перед фотографом, только что наизнанку не выворачивалась! Ему очень хотелось с презрением и гадкими матерными словами бросить Алле в лицо фотографии, присланные Николаем Щербанем, но он сдержал свой порыв. Им, фотографам, найдется лучшее применение! Погоди, Алла Константиновна, то ли еще будет! Он почувствовал, как к горлу на смену унижению подкатывает лютая злоба. Лицо его перекосило, и он, не натягивая трусов, пошел на Белозерову.

— Не нравится, значит! — проревел он. — А ты по-

старайся, чтобы «инструмент» пришел в боевую готовность! Знаешь, поди, что надо делать!

Он так разозлился, что собрался изнасиловать ее в назидание. Все-таки он сильный, здоровый мужчина и запросто справится с глупой бабой. Она еще пожалеет, что нарвалась! Он сейчас отделает ее по первое число и всеми известными ему способами! Эта мысль до того взбудрила Петра Николаевича, что «куриная шея» сама собой начала выправляться. Наблюдая за этим процессом, Белозерова так звонко расхохоталась, что Башлачев приостановился.

— Не собрался ли ты, Петя, меня насиловать? — сквозь смех спросила она. — Имей в виду, я не позволю. У вас очень болезненное причинное место, поэтому побереги его лучше! В другой момент может очень даже пригодиться!

Алла встала перед ним по-прежнему с обнаженной грудью, совершенно не стесняясь и не выражая ни малейшего испуга. И Башлачев вдруг сдулся, как воздушный шарик. Он натянул трусы, быстро оделся и, застегнув на последнюю пуговицу пиджак, с угрозой сказал:

— Ты еще пожалеешь...

Алла не посчитала нужным ответить, а Петр Николаевич схватил куртку с компроматом на нее и стремительно покинул поле проигранной им битвы. Пока проигранной, как он очень надеялся. На одном только этапе.

Когда за Башлачевым захлопнулась дверь, Алла в изнеможении опустилась на диван. Что ж! Все ясно. Цветочки в гофрированной бумаге, предложенное к совместному посещению кафе «Пируэт» — все это звенья одной цепи. Вот, значит, на каком фронте Петр Николаевич решил развернуть военные действия! Как

и все мужчины, уверенный в своей сексуальной неотразимости, он, похоже, решил, что изобрел нечто новое в деле завлечения в свои сети неприступных капризниц. Все это Алла уже проходила: все эти ладони на коленях, на плечах, на запястьях и доверительный интимный шепот. Глупец! Он даже не может предположить, насколько стоек ее иммунитет против подобных действий...

Когда Алла училась на третьем курсе политеха, очень страшный предмет под названием «Сопротивление материалов», больше известный в определенных кругах как «Сопромат», вел у них Стефан Бедросович Тонев, очевидно, чех или болгарин по происхождению. Он был небольшого роста, плотно сложенным мужичком, обожающим светлые пиджаки и белоснежные рубашки. На его смуглом лице поражали воображение карие глаза. Они были до того огромны и так широко распахнуты, что коричневому зрачку, чтобы ненароком не затеряться в них, оставалось только прилепиться куда-то под верхнее веко, оставив под собой достаточно широкое и свободное молочно-белое пространство. Из-за этого казалось, что глаза Тонева все время возведены к небу в некоем подобии молитвенного экстаза. Впечатление, впрочем, тут же разрушал тонкий крючковатый нос и слишком наполненные малиновой кровью губы. Стефан Бедросович обожал хороших студенток. В Аллиной группе, где было всего пять девушек, его особенно привлекали две: Алла Белозерова, яркая брюнетка, и Галочка Верховцева, томная натуральная блондинка с завитыми в тугие кольца кудрями. Свои лекции Тонев читал только для них двоих, не отвлекаясь и не обращая

внимания на других студентов и студенток. Однокурсникам это было на руку, поскольку они могли себе позволить на его лекциях заниматься чем-нибудь более в тот момент для них насущным.

Алла с легкостью строила эшюры, решала задачи и потому Стефана не боялась. Галочка дрожала на лекциях и практических занятиях осиновым листом и с ужасом ждала экзамена, который преподаватель принимал у каждого студента отдельно. Особо не мучил, принимал довольно быстро, но — один на один. Когда Галочка наконец дождалась экзамена, зайти в кабинет к Тонееву ей довелось как раз перед Аллой. Провела она там неожиданно много времени, вылетела красная, распаренная, с вылезшей из юбки блузкой и с «пятеркой» в зачетке. Алла застала Стефана в кабинете тоже раздумавшегося, с прилично приспущенным полосатым галстуком и необыкновенно живым блеском в глазах. Он со своими яркими губами напомнил Алле вампира, только что от души полакомившегося Галочкиной кровью.

Она вытащила билет. Тонев показал рукой на стул, стоявший к нему слишком близко. Когда Алла с опаской села на его краешек, Стефан поморщился и велел устраиваться поудобнее без всяческого стеснения, потому что разговор у них будет долгим. Это несколько испугало Аллу, но не настолько, чтобы бежать от него куда глаза глядят. Преподаватель сразу задал ей несколько вопросов по билету, и девушка поняла, насколько прекрасно знает он свой предмет. Он не давал времени на подготовку. Ему не нужны были пространственные речи студентов и выразительное чтение с мелко исписанного в каждой строчке листка в клеточку. С помощью двух-трех точных вопросов он мгновенно уяснял себе, кто чего стоит. Алла Белозерова во

всех отношениях стоила дорого. Стефан дал ей задачу и приступил к тому, о чем мечтал целый учебный семестр. Его воздержание должно было быть наконец вознаграждено. Начал он с того, что по-отечески положил Алле руку на плечо, будто бы для того, чтобы быть поближе к решению задачи. Потом его рука как бы ненароком съехала на талию, а потом на ягодичи. Алла заерзала на стуле, пытаясь освободиться от обжигающей даже через одежду ладони, но не тут-то было. Рука преподавателя крепко вцепилась в ее бедро, а другая смело полезла под юбку с другой стороны. Алла повернула голову, чтобы посмотреть Стефану в глаза. Они закатились вверх более обыкновенного и не выражали ничего человеческого. Только гнусное вампирское вожделение. Ей показалось, что еще чуть-чуть, и из уголка его рта потечет отвратительная красная слюна. Если бы Стефан мог знать, на кого покусился, то был бы более бдительным и осторожным. Алла давно умела терпеть и выжидать. Она дождалась, когда рука преподавателя забралась настолько глубоко в колготки и трусы, чтобы ее непросто было оттуда вытащить, и закричала так страшно и оглушительно, что в кабинет мгновенно ворвались испуганные однокурсники. Скандал был невероятный. Вмешались родители. Показания против Вампира-Тонева давал чуть ли не весь институт. Его хотели с позором изгнать из старейшего, тогда еще Ленинградского, вуза, но он, страшно унижаясь, упросил, чтобы ему позволили уволиться по собственному желанию. Памятуя о том, скольких классных сопроматчиков мужского пола выпестовал Стефан Бедросович, ректорат решил пойти ему на уступки.

Петр, значит, собирался отыгаться на ней в стиле Стефана Бедросовича. И конечно же, за то, что недав-

но произошло в кабинете директора их института. А что, собственно, такого ужасного произошло? Она всего лишь сказала правду. Алла вспомнила тот день, когда решалась ее судьба, до мельчайших подробностей...

В тот день Алла Константиновна Белозерова, руководитель группы одного из отделов Научно-исследовательского института общего машиностроения, решила, что должна выглядеть на все сто. Она специально встала пораньше, чтобы не спеша привести себя в должный вид. Сначала она вымыла голову и высушила волосы феном, одновременно оттягивая их, чтобы стильная геометрическая стрижка лежала идеально. Не должно быть ни одного колечка, ни одной волны. Только строгие прямые линии. После того как волосы улеглись вороненым шлемом, Алла приступила к глазам. На веки — немного бежевых теней разного оттенка, чтобы глаза казались в легкой дымке. Тушь для ресниц — очень дорогая, зато каждая ресничка, вытянутая ею вверх, живет своей отдельной жизнью. Никаких «лапок паучка»! Ни одного комочка! Никаких черных точек под глазами! На кожу — ровный бежевый тон, на порядок светлее теней. Помада — кораллово-коричневая, без вульгарного перламутра и сексапильного мокрого блеска. И никаких духов. Алле не нужно, чтобы на запах слетались всяческие «насекомые» и роились вокруг нее.

Выйдя из ванной, Алла направилась к дивану, на котором был разложен черный брючный костюм выверенных, вытянутых форм и строгая белая блузка. Довершали туалет туфли-лодочки, тоже черные, без всяких украшений и такая же изысканная в своей

простоте сумка на тонком длинном ремешке. Стиль — облегченный унисекс, с легким уклоном в ненавязчивую женственность. Алла надела на пальцы пару тонких серебряных колец, в уши вставила крошечные сережки-пусетты и осталась вполне довольна собой. Все сделано, как надо: строго и изысканно. Ничего лишнего, круглого, мягкого и слащавого. Именно так она выглядела всегда, а сегодня ей особенно важно чувствовать себя сильной, строгой и собранной. Сегодня в кабинете их директора будет решаться ее судьба. Месяц назад освободилось место начальника одного из отделов, и Алла сама выдвинула на эту должность свою кандидатуру. Конкурент у нее только один — Петр Николаевич Башлачев. Формально силы у них абсолютно равны: оба работали в институте с юности, оба были распределены с одного факультета политеха, оба кандидаты технических наук, тридцати восьми лет от роду. Алла считала, что у нее есть даже некоторое преимущество перед Башлачевым, потому что она уже несколько раз замещала престарелого, а потому болезненного начальника этого отдела, который в конце концов так и не смог оправиться и подал в отставку. На самом деле Алла была уверена, что преимуществ у нее гораздо больше: Башлачев был недалеким и ограниченным человеком, его диссертация была всего лишь компиляцией из десятков чужих. Это прекрасно знал и директор института, и те люди, которые в случае назначения Петра Николаевича начальником отдела могли оказаться у него в подчинении.

Башлачев явился в приемную директора тоже при полном параде, но Алла видела, что ему несколько не хватает вкуса: галстук не подходит по тону к рубашке, пиджак на спине морщит, а туфли не слишком тщательно вычищены. Конечно, к должности начальника

отдела это не имело никакого отношения, но все же боссы, по мнению Аллы, должны быть образцом во всем.

То, что произошло в кабинете директора НИИ, Аллу не удивило, хотя она очень хотела получить новую должность. Начальником отдела без всяких объяснений был назначен Петр Николаевич Башлачев. Собственно, объяснения Алле и не были нужны. Все предельно ясно и так. Главное преимущество Башлачева состояло в том, что он был мужчиной. Алле предложили должность руководителя одной из групп отдела Петра Николаевича.

— Я и так руководитель группы, — напомнила начальнику НИИ Алла на тот случай, если он вдруг забыл.

— Но группа в отделе Башлачева состоит из значительно большего числа сотрудников, потому и ответственность больше, и, естественно, зарплата, — терпеливо объяснил ей директор. — Кроме того, на первых порах вы подстрахуете Петра Николаевича и поможете ему.

— Если бы вы назначили на эту должность меня, то я обошлась бы без помощи Башлачева, и вы это прекрасно знаете, — очень спокойно сказала Алла, не давая ни одной отрицательной эмоции обезобразить ее прекрасное лицо.

Петр Николаевич владел собой гораздо хуже, а потому выпустил на лицо все эмоции, которые при этом заявлении Аллы тут же взбудоражили его организм. Оно, его лицо, покраснело, а рот слегка съехал набок, в одну линию с уже давно съехавшим на сторону галстуком.

— Правильно ли я понимаю, что вы отказываетесь? — на всякий случай спросил Аллу директор НИИ.

— Правильно, — согласилась Алла.

Директор, который давно уже все решил, вступать в дискуссию намерен не был и ненавязчиво дал всем понять, что аудиенция окончена именно на этом этапе.

— Ну и зачем ты это сказала? — набросился на Аллу Башлачев, едва они вышли из директорского кабинета.

— Я сказала то, что думаю, — ответила она и с сожалением окинула взглядом покрасневшее от негодования и натуги лицо Петра Николаевича.

— А кого интересует твое мнение? — окончательно вышел из себя новоиспеченный начальник отдела.

— Не груби мне, Петя. Тебе ведь сегодня же придется прийти ко мне за помощью. А что будет, если я ее тебе не окажу?

Она не стала ждать ответа Башлачева, повернулась к нему спиной и пошла к своему отделу, который имел не слишком много сотрудников и должность руководителя группы в котором гораздо хуже оплачивалась.

Весь рабочий день Алла старалась держать себя в руках и никому ничем не выдать раздражающей душу досады. Она гнала от себя любые мысли, кроме тех, которые непосредственно были связаны с ее должностными обязанностями. Как она и предсказывала, Башлачев три раза присылал к ней сотрудников за всякого рода справками. Алла не отказывала в консультации. Пока. Пока она еще все не обдумала. Сейчас она слишком взвинчена. В таком состоянии не стоит принимать серьезных решений. Вот закончится рабочий день, и тогда она все случившееся обдумает еще раз.

После работы Алла отправилась в кафе «У Никифора». Оно являлось собственностью ее однокласс-

ника Лехи Никифорова, где для нее всегда был готов маленький столик у окна. В отсутствие Аллы на этом столике всегда стояла большая декоративная ваза, и посетители на него никогда не покушались.

— Привет! — улыбаясь, сказала Алла и чмокнула Леху в небритую по последней моде щеку. Перед трапезой она всегда сначала заходила к нему в кабинет для приветствия и легкого, ни к чему не обязывающего трепа. — Как бизнес?

— Процветает, — дежурно ответил Леха и восхищенно оглядел бывшую одноклассницу. — А ты все такая же!

— Какая? — спросила Алла. Леха был настоящим другом и единственным человеком, комплименты которого она любила слушать.

— Идеальная.

— Это плохо? — Алла почувствовала в словах Никифорова ноты сочувствия.

— Даже не знаю, — пожал плечами он. — Честно говоря, я мечтаю когда-нибудь увидеть, как из твоей прически выбьется прядь, или размажется помада, или... — он взял в свою огромную ладонь ее узкую кисть, — или сломается вот этот чудный перламутровый ноготок.

— Не дождешься, — усмехнулась Алла и выдернула из его руки свою.

— Как всегда? — сменил тему Леха.

— Пожалуй, сегодня кофе двойной.

— Хорошо, я скажу. Иди. Вазу сейчас уберут.

Алла села спиной к залу, лицом к окну. Леха Никифоров больше не докучал ей. Он знал, что она приходит к нему не в лучшие часы своей жизни.

Алла постаралась с удовольствием, без отягощающих процесс дум, съесть салат из свежей капусты с пряностями, а потом решительно отложила вилку. Все! Фора, которую она дала себе, вышла. Пора вернуться к собственным баранам. Итак! Очередной раз женщина была поставлена на место, строго определенное ей в обществе мужчинами, а именно: сзади и чуть-чуть ниже. Это отвратительно, но далеко не ново, и потому подумать стоит о другом. Первое! Переживать и нервничать не стоит, поскольку назначение Башлачева уже произошло. Изменить ничего нельзя, а значит, стоит принять обстоятельства такими, каковы они есть. Минусы всего этого ясны. Каковы плюсы? Плюс один, но стоит, пожалуй, парочки минусов: она осталась в своем отделе с сотрудниками, которых знает уже много лет и которым доверяет. Второе! Несмотря на свое кандидатство, Петр Николаевич является человеком неумным, недалеким и недальновидным. Скорее всего, он не справится с руководством отдела, и надо ему в этом помочь. Нет, она не будет отказывать ему в консультациях. Она будет давать их в такой двусмысленной форме, что Башлачеву придется здорово подумать, прежде чем принять единственно правильное решение. Алла была уверена, что принять это единственно правильное решение Петр Николаевич сможет только в одном случае из десяти.

Рыба под польским соусом «У Никифора» была отменная. Алле всегда приносили ее вместе с красиво нарезанным лимоном в маленькой розетке. Что ж, теперь, когда она выработала свою линию поведения как минимум на ближайший месяц, пожалуй, можно с чувством приняться и за рыбу. Вкусно. Как всегда. Нигде ее так не готовят.

Официант Эдик принес Алле большую чашку ко-

фе и опять, как всегда, просительно заглянул в глаза. Он уже несколько раз предлагал ей встретиться за пределами кафе «У Никифора» и неизменно получал отказ. Вот и сейчас, улыбаясь лишь кончиками губ, как Мона Лиза, Алла отрицательно покачала головой. Эдик в ответ тоже улыбнулся, смущенно и привычно, что в словесном выражении означало: «Ну что ж... Подожду еще...» Она расплатилась с официантом, с некоторым презрением посмотрела в его глубокие янтарно-карие глаза и отправилась домой гораздо в более спокойном состоянии, нежели том, в котором она пришла к Лехе в кафе.

Теперь Алла понимала, что после только что случившегося между ней и Башлачевым ей стоит внести некоторые коррективы в выработанную в кафе «У Никифора» тактику. Если сегодня Петр только собирался взять над ней верх как над женщиной, то теперь наверняка захочет отомстить по полной программе. Не зря же он бросил ей: «Ты еще пожалеешь...» Она собиралась на службе подставить Петра своими двусмысленными рекомендациями. А зачем? Что из этого может выйти хорошего? Ничего! Что выйдет хорошего из сегодняшнего башлачевского унижения? Опять-таки ничего! Ее можно поздравить с приобретением еще одного врага. А на что он ей? У нее и так полная коллекция! Может, стоило все же с Петей переспать? А вдруг он, туповатый тугодум, хорош в постели? Алла скривилась. Нет! Только не это!

Она так глубоко задумалась, что не сразу сообразила, что назойливый звук, уже несколько минут раздражающий ее слух, является телефонным звонком. Она сняла трубку. Звонил тот, кого она звала Некто Макс и которого сейчас совершенно не хотела бы слышать.

— Как же я вас всех ненавижу! — вместо приветствия выплюнула ему свое раздражение Алла.

— Ну... это уже не ново и, честно говоря, надое-ло, — отозвался он. — Давай-ка я к тебе приеду и докажу, что нас можно хотя бы... терпеть, а?

Алла хотела сказать ему что-нибудь грубое и уничтожающее, но выдала только:

— Не сегодня, Макс.

Она положила трубку, застегнула наконец «молнию» на куртке, еще раз бросила в пространство: «Как же я вас всех ненавижу!» — и уставилась в свою белую пустую стену. Кроме этой стены, в мире нет ничего белого и чистого. Всё и все отвратительны. И она, Алла, не лучше. Она вдруг ощутила себя страшно усталой и старой по-черепашьи. Эдакая трехсотлетняя Тортила. Она все уже знает, все видела, все слышала, все может представить и даже предсказать. Она просчитывает на два хода вперед все поступки и мужчин, и женщин. Ей нечего ждать и не на что надеяться. Ей скучно. Она даже стала меньше читать, потому что нутром чувствовала, чем должна кончиться та или иная повесть. Ей самой уже впору писать книги и учить жизни неразумных Буратин. Как ей все надое-ло! Она даже не Тортила. Она старая-старая, древняя сова! Ей пора улетать...

У Аллы Константиновны Белозеровой был свой, особый, счет к мужчинам. Вела она его давно, чуть ли не с детского сада. Во всяком случае, она до сих пор хорошо помнила, как, будучи воспитанницей всего лишь средней группы, подралась со шупленьким мальчишкой по имени Костик Лютиков. Причина драки была ею благополучно забыта. Не забывалось другое. Ал-

лу тогда долго стыдили и ругали, говорили, что она никогда не должна так поступать, потому что она девочка. Костика ругали гораздо меньше, если не сказать — почти совсем не ругали, потому что считалось, что мальчики имеют право драться по определению. Когда за Аллой пришла мама, воспитательница выскочила к ней с выпученными глазами и пеной у рта. Она рассказала о происшедшем с таким пафосом, будто маленькая Алла подкралась к Костику из-за угла и задушила его специально припасенной для этого случая удавкой. «Она же девочка! — восклицала воспитательница, всплескивая руками. — Девочка! Вы понимаете?» Мама так яростно кивала, будто до этого ей казалось, что Алла — мальчик, а теперь она очень обрадовалась, что все наконец встало на свои места. Дома специальную разъяснительную беседу с Аллой провел еще и папа. В ней он так долго развивал тему о созидательном предназначении женщины, что нечаянно соскользнул на любовь и материнство, где и был предусмотрительно остановлен бдительной мамой. Тогда Алла восприняла такой оголтелый мужской шовинизм как должное. Она тогда еще верила взрослым, была девочкой послушной и больше не дралась с мальчиками. Тогда еще на ее нежном лбу лежали кудряшки, а губки все время складывались в улыбку восхищения миром, в котором Костики Лютиковы пока еще нечасто досаждали ей. Сейчас же взрослая Алла Белозерова считала, что мальчиков с детства специально провоцируют на агрессию: покупают автоматы, пистолеты, целые армии солдатиков, милитаризованные компьютерные игры, а потом удивляются, откуда берутся плохие дяденьки-террористы. А им ведь надо где-то оттачивать полученные в игре навыки. Алла всегда улыбалась этим своим пацифистским и тоже

весьма не новым в этом мире мыслям. Уж она-то не пацифистка. Она амазонка, воительница с отдельными индивидуумами огромной армии мужчин. Костик Лютиков был первым, с кем ей пришлось схлестнуться, и она тогда думала, что последним. Еще бы! Она ведь не собиралась больше драться, она собиралась только созидать! Тогда она еще не догадывалась, что в очереди за Лютиковым уже толпятся следующие Костики и в нетерпении переминаются с ноги на ногу.

Вторым в очереди за Костиком Лютиковым стоял Митенька Петраков, в которого Алла была самым страшным образом влюблена в седьмом классе вплоть до того момента, пока на уроке литературы им не довелось изучить, исследовать и препарировать бессмертное творение Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка». Учительница задала Митеньке сакраментальный вопрос, почему Петруша Гринев не смог оставить Машу в крепости, в руках Швабрина, до того момента, пока превосходящие силы войск императрицы не освободят ее вместе с крепостью. Генерал, с которым Петруша обсуждал этот вопрос, не находил ничего страшного в том, что капитанская дочка немножечко побудет женой Швабрина. Все равно его потом вздернут и Маша достанется тому, кому положено, как переходящий кубок. Гринев же почему-то генерала послушался и нарушил воинскую присягу. Митенька Петраков думал недолго: всего пару секунд. Он сказал: «А как же право первой брачной ночи?», и Алла сразу же утратила к нему всяческий интерес и даже почувствовала что-то вроде жалости. Петр Гринев не мог оставить Машу Швабрину, потому что знал, что это для нее хуже смерти, а Митенька вдруг выступил с каким-то нелепым правом. Конечно, бедному Петракову после урока пришлось здорово по-